

Гримаса моего доктора

Из походной записной книжки 1813 года

Лажечников И. И. Собрание сочинений. В 6 томах. Том 1. М.: Можайск--Терра, 1994.
[OCR Бычков М. Н.](#)

С первым шагом за границу Польши, на нас повеяло новой, радостной жизнью. Не во сне ли видели пожар Москвы и пепелище ее? Не в страшном ли кошмаре полки безобразных мертвецов заступили нам дорогу по снежным пустыням и между лесов дремучих; живые совершали перед нами трапезу лошадиного падалью; обозы с сотнями замороженных человек, увязанных веревками, проходили мимо нас на Вилейку для сожжения. Даже смутно помню -- а давно ли это было?-- в Вильно вошел я с шефом своим вроде больницы, где оставлены были бежавшей армией раненые всяких наций. На полу сгнившая солома служила им постелью; тут лежали живые, в полной памяти, перемешанные с мертвыми. В этой груде, среди неприятелей, русский генерал отыскивал своих мекленбургских соотечественников. *Цестный* жид, хозяин дома, представил ему верный, самouverнейший *сцотец*, что стоило содержание больных!.. Слава Богу, мы оставили за собою картины человечества на последней ступени унижения, и нечистые корчмы с их нечистыми жидами, и упадание в ноги, и "падам до ног"! Мы перешли в Пруссию. Боже! как радуется нас вид образованной земли! Как легко, отрадно здесь сердцу! Взор и мысль нежатся на красивых домиках, на полях, прекрасно обработанных и усаженных плодовыми деревьями, на творении Божьем, которое чувствует свое человеческое достоинство и не влачит его по грязи. Удивляешься, как дерзкая рука прохожего или проезжего давно не поломала этих деревьев для своей минутной потребности, или просто для того, что хотелось поломать. Удивляешься, отчего мосты не пляшут под вами, отчего нет криков, ссоры и драки, когда разводят нам квартиры, нет обвесков и обмеру при выдачах... Отчего, вместо бабы с засученными и засаленными рукавами, босоногой, брюзгливой бабы, которая толкала вас в угарную избу и отдавала на съедение своим бесценным пенатам; отчего, вместо этой мегеры, какая-нибудь миловидная Лотхен или Фрицхен, оторвавшись от своего Лафонтена или Плейеля, с приветом вводит вас в чистую комнату, где находите чистую постель, вкусный обед и -- нередко при расставании -- тайный поцелуй, который долго будет вам мерещиться во сне и на яву? И мало ли чему дивимся здесь! Отчего? Отчего? Вопросы мудреные для решения! А чтобы отделаться от них, скажу просто, оттого, что мы перешли за черту Поляни.

В Калише сошел я с седла и теперь качу на почтовых в Шверин вслед за отрядом Чернышева, который победе не дает перевести духу. На почтовых, в коляске или в шульвагене!.. Ощущали ли это блаженство вы, не делавшие никогда по пятьсот верст, зимою, на хребте какого-нибудь россиянина!.. Шеф мой, принц мекленбург-шверинский, получил отпуск на родину, и я с несколькими товарищами ему сопутствую. Двадцати лет, беззаботный, ничем не выжидая, смеюсь равно над кислую рожей и благосклонною улыбкою фортуны, засыпая так же сладко без копейки в кармане как и с полным золотом кошельком, я живу весело, весельем ласточки, вылетевшей в первый раз из гнезда своего под лазурь безграничного неба. И на долю моего честолубия-- как бы вы думали! -- пали крупницы с высоты. Имя адъютанта des Prinzen von Meklenburg звучит довольно громко в ушах почтарей, станционных смотрителей и бюргеров и нередко от городского фонтана привлекает к станционному дому рои пригожих немочек. А имя русского? Оно звучит выше всех в наше время; ему народы с восторгом кричат: Noch! Как принимают нас в Пруссии!.. Становишься здесь выше несколькими вершками и с гордостью повторяешь: я русский! Везде привет нам, как братьям; везде благодарность, как избавителям своим. Цветы, огни, триумфальные ворота, серенады, ласки, благословения,-- все это встречает и провожает нас по пути нашему. Дня буднего не знаем.

Двор мекленбургский нашли мы в Лудвигслусте. Природа здесь угрюмая, сердитая мачеха -- гладь, пески, тощие леса, болота! Как это вздумалось герцогу Лудвигу избрать такие грустные места для своего увеселительного замка! Видно, они вторили его душе. Зато люди, нас окружающие, как будто стараются вознаградить нам скудость природы удовольствиями, какие можно только здесь придумать, и особенно милостивым радушием. Все члены высокой фамилии, от старого герцога, патриархального